

Поздняков А.В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

К вопросу об амбивалентной структуре символики огня в религиозно-мифологическом пространстве

В статье проводится анализ амбивалентной структуры одного из самых древних и важных символов человеческой культуры - огня. Исследуя основные элементы данного символа, автор выявляет их оппозиции и показывает возможные их соотношения в системе религиозно-мифологической культуры.

Ключевые слова: *огонь, символ, мифологема, амбивалентность, мифология, магия, религия.*

Pozdnyakov Alexey,

Candidate of Philosophy,

Associate professor,

Department of logic, philosophy and methodology of science

Orel State University named after I.S. Turgenev

To the problem about the structure of the ambivalent symbolism of fire in the religious-mythological space

The article analyses the ambivalent structure of one of the most ancient and important symbols of human culture, fire. Exploring the basic elements of this symbol, the author reveals their opposition and shows their relation in the system of religious-mythological culture.

Key words: *fire, symbol, myth, ambivalence, mythology, magic, religion.*

Согласно науке, встреча человека с огнем произошла около полутора миллионов лет назад. Освоение огня древними людьми стало важным компонентом социокультурной практики и оказало влияние на антропогенез. Выработанные в процессе освоения мира знания древний человек фиксировал в наиболее функциональных явлениях и придавал им высокую семиотическую ценность. На протяжении почти всей своей истории человечество использовало огонь, что способствовало включению его в ряд наиболее архаичных символов.

Символизация огня формируется на основе его физических свойств. Как феномен он имеет способность давать свет и тепло (жар). Поэтому световая и тепловая символика будет являться основной. Его бесформенность, непостоянство и одновременно его способность разрушать формы иных предметов способствовало развитию не менее богатой огненной

мифологической, религиозной и эзотерической символики. Разные ученые, в свою очередь, подчеркивают возможное возникновение разного рода сопутствующих мифологем, связанных тесно с символизацией огня: пепел, солнце, луна, молния и др., которые будут иметь дополнительную аллегорическую или символическую нагрузку.

Несмотря на одинаковое восприятие человеком данного явления, в истории культуры зародились многозначные его трактовки и олицетворения, иногда противоречащие друг другу. Для полного отражения смысловой амбивалентности символа мы условно разделили символизацию огня на «позитивную» и «негативную».

Первая двойственность прослеживается в соотношении стихийного (природного) и сакрального огня. Вопреки существующему мнению, поклонение огню древними осуществлялось не как физическому элементу, а как явлению сакральному. То, что называют порой «огнепоклонством», является не обожествлением физического огня, а благоговейным поклонением его духовной составляющей, присутствие которой и делает огонь священным. Достаточным доказательством нашему суждению будет существующая в различных религиозных традициях дифференциация огня на сакральный и обычный. Но данное разделение возникает не на основании представлений о происхождении огня (он есть творение богов), а его применении. Огонь мог становиться сакральным только в особом случае его ритуального использования. К примеру, в зороастризме существовала целая практика освящения огня, прежде чем он обретет силу божественной энергии. Причем, во многих архаичных обществах было много «видов» огня, в том числе сакрального. Считалось, что пламя пожара было не то, что огонь домашнего очага, а некоторые виды священного огня имели большее почитание, нежели иные [10,с.84]. Немецкий филолог Якоб Гримм описывает древний скандинавский ритуал «огонь нужды». В нем каждый огонь в селении должен был быть предварительно потушен. А потом заново возжечься методом трения круглой деревянной палки. После того как пламя заново возгорится, больную скотину и лошадей проводили вокруг полученного огня три раза с целью исцеления от недуга. Это иллюстрирует разные виды огня и разные его функции [8].

В Авесте, например, выделяются пять видов огня: Аташе-Урва-Зишта – пламя, которое возникает при горении дерева; Аташе-Вазишта – огонь, пребывающий в молнии; Аташе-Воху-Фрайана – огонь, который дает жизненную энергию человеческому телу; Аташе-Барезисавах представляет означающий великое благодеяние. Аташе-Спеништа представляет Вечный огонь, который показывает человеку присутствие Ахура-Мазды.

В священном огне парсы, в свою очередь, разделяли три ступени: священный огонь Аташ-Бехрам, посвященный ангелу победы; Аташ Адран – огонь второго ранга; Аташ Дадгах – освященный обычный домашний огонь

Соотношение сакрального и обычного огней некоторые исследователи аргументированно наблюдают в скандинавской мифологии в сюжете соревнования Логи-великана и бога Локи на скорость поедания мяса. В

«Видении Гюльви» говорится, как Локи уступил великану. Он съел только мясо, а великан даже кости и посуду. В данном сюжете Лоптсон под великаном Логи усматривает обычный огонь, пожирающий все вокруг, это неуправляемая стихия, огонь вулканов, первозданный огонь. Локи же персонифицирует собой сакральный огонь, поедающий только плоть, отделяя ее от костей [8]. Весь ответ кроется в специфике погребального обряда, который существовал в Европе и Скандинавии еще в бронзовом веке. Кости во время кремации не сжигались дотла в погребальном огне, а скрупулезно извлекались и промывались, а потом опускались в урну. Подобная практика отделения костей от пепла может символизировать избавление духа от физических пут [9,с.9-12].

Другое подтверждение нашему пониманию «огнепоклонничества» можно найти в представлениях древних о присутствии в огне особой духовной сущности, которая и претворяет обычный огонь в священный. По словам советского монголоведа Санжеева Г.Д., буряты, например, верили, что в очаге обитает дух огня, «тали езен», который имеет облик маленького человека, когда он находится в очаге. У тюркских народов есть целая система табу в отношении огня, нарушение которой привело бы к осквернению последнего. В огонь не разрешалось плевать, кидать отбросы, грязь и прочие нечистоты, т.к. это может оскорбить тали езена [6]. Также не разрешалось перемешивать огонь ножом или острым предметом, ибо считалось, что так возможно ранить духа. Если он ослепнет, то он будет уже не способен отгонять злых демонов от жилища. Огонь – это собственность и даже жизнь рода. Его дух первым из всех богов или духов получает свои жертвенные дары. Он посредник между людьми и потусторонним миром. Поэтому чужой человек не имеет права брать огонь из очага, и если находящийся в юрте гость разожжет, к примеру, свою трубку, он обязательно должен перед уходом ее вытряхнуть. Североамериканские индейцы рассматривали огонь как благостное воплощение Великого Духа – Маниту, который считался первопредком всех индейских племен, а сам костер был символом домашнего уюта и процветания. Согласно Афанасьеву, у славянских народов также бытовало мнение о пламени как родовом божестве, которое сплетается в народном представлении с культом предков [2,с.23-30].

Как видно из выше сказанного, в древнем мировоззрении сакральное и природное соединены в одно целое. Природное здесь выступает материальной основой, на которой спиритуальное и проявляет себя в нашем мире. Символическая составляющая мифа может быть понята как достаточно свободный процесс корреляции смысла и образа, предмета и его означивания. Именно поэтому многие элементы мифа не могут быть однозначно интерпретированы логически, ассоциативно, психологически или как-то еще [4]. Так, достаточно поменять условия функционирования природного огня, как сразу меняется его статус. В более поздних религиозных системах возникает иная оппозиция: «огонь тварный» – «нетварный огонь», но об этом скажем ниже.

Древний человек использовал огонь не только для обогрева, освещения своего жилища и приготовления пищи. Отнесенность огня сразу двум мирам: миру физическому и миру духовному – способствовала формированию систем,

способных использовать огонь для магических и религиозных ритуалов. Известно, что огонь мог применяться в очистительных и погребальных обрядах, а также в жертвоприношениях.

Одной из важных функций огня является очистительная, которая может восприниматься на духовном уровне в качестве охранительной. Это ярко проявляется в шаманизме и магических практиках, содержащих очистительные обряды. Согласно этнологу А. Голану, у многих народов Европы и Кавказа существовал обычай в определенные праздники прыгать через огонь, проходить через пламя или прогонять через него скот [3, с.31]. Монголы и тюркские народы, например, с помощью огненной стихии очищали юрту, в которой лежал покойник и находящиеся там вещи; невесту очищали перед тем, как вступить ей в семью жениха, проводя её между двумя кострами. По сообщению Платона Карпини, католического монаха-путешественника 13 века, такой же процедуре подвергались послы, прибывшие к монгольским ханам. Монголы верили, что «огонь все очищает; когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла» [7].

Реально бытующая во многих уголках земли практика хождения по огню, изначально была ничем иным как очистительным весенним ритуалом. До настоящего времени в неизменном виде он сохранился в Индии и Тибете. Множество обрядов, связанных с огнем, было и у языческих славян, некоторые из них сохранились до наших дней. В качестве примера можно перечислить такие, как: прыжки через костер в ночь на Ивана Купалу, сжигание чучела зимы на Масленицу. Здесь проявляется вера в способность огня уничтожить злое колдовство. А. Н. Афанасьев выделяет обряды, согласующиеся с очистительной теорией, основанной на вере, что огонь изгоняет нечистую силу тьмы и холода.

Очистительная способность огня прослеживается также в погребальных церемониях — ритуальной кремации. Многие народы верили, что тело покойного нужно обязательно сжигать. Это поможет ему быстрее расстаться со своим земным телом и вознестись на небо в виде дыма. Считалось, что именно такой дым способен перенести человеческую душу в лучший загробный мир. Это своеобразная посмертная инициация души. Огонь кремации открывал двери, через которые души мертвых освобождались от физического мира и переходили в мир духов.

Однако огонь способен не только создавать семейный уют, защищать от физических и духовных напастей, но и причинять боль и даже убивать. Все это с легкостью подмечается архаичным человеком. Огонь становится символом возмездия богов за проступки и грехи, символом разрушения и гибели. Небесный огонь испепеляет погрязшие в разврате библейские города Содом и Гоморру; в истребительном пламени войны гибнет легендарная Троя; огненная лава взорвавшегося вулкана поглощает римские Помпеи. А в более поздние

эпохи огонь становится символом борьбы добра против зла и торжества света над тьмой.

Между очистительной и карательной функцией проходит довольно тонкая грань, так что разделить их довольно сложно. Особенно это ярко прослеживается в эсхатологических сюжетах разных мифологий. То, что в индивидуальной судьбе порой видится как кара божия за пороки (огонь преисподней), в масштабах мироздания это означает обновление к новой жизни (Рогнарок, Апокалипсис, Прадая). Достаточно вспомнить мифы разных народов о циклах гибели и возрождения мира и предсказания о конце времен, где обновление будет осуществляться огнем. Но это обновление не только физическое, но и духовное.

Крещение огнем в Новом завете (Мф.3:11) символизирует возвращение к первоначальной чистоте, избавление от всего темного в духовном смысле. В зороастризме карающая и обогревающая функция огня является воплощением праведного гнева и высшей справедливости Ахурамазды, который в силе наказать виновного и обогреть нуждающегося. Преображающая сила огня и ее амбивалентность проявляется в символе феникса, умирающего и возрождающегося из пепла, или в его аналогах: на Руси – жар-птицы, в древнем Египте – Бен-бен, в Китае – Луань-няо и Фэн-хуан. Рядом с огнем возникают сопутствующие мифологемы пепла или золы, которые выражают смерть, горе, расставанье, мимолетность человеческой жизни. Однако последующее возрождение из пепла делает их образ олицетворением бессмертия, в котором выражается надежда человека на вечное существование.

Здесь опять прослеживается амбивалентность огня. Огонь одновременно обладает созидательной и разрушающей силой. Он – начало и конец существования. Он – вездесущая субстанция, из которой все возникает и к ней возвращается. Огонь предстает также символом жизненной энергии, без которой невозможно существование индивидуальной жизни. Так в Бхагавад-гите Кришна себя называет огнем, пребывающим в телах всех живых существ. Во многих традициях огонь выступал в качестве «мужского» элемента. Он противопоставлялся другому «женскому» элементу – воде – и был олицетворением жизненной энергии и детородной силы.

Не менее интересна оппозиция защитной и вредоносной функций пламени в магии. Известно, что огонь в шаманских и магических практиках всегда использовался для защиты от колдовства. «Маклу» и «Шурпу», ассирийские тексты заклинаний, содержат магические формулы, направленные на уничтожение вредоносных чар посредством огня. Практика очищения огнем была распространена в магических и религиозных системах многих народов. Отголоски их можно увидеть даже в обрядах монотеистических верований. Достаточно вспомнить обряд освящения жилища в христианстве, где огонь (зажженные свечи) совмещается с другим элементом – водой. Однако именно магическая практика раскрывает амбивалентность огня, этого необходимого элемента как для защиты от колдовских чар, так и для осуществления вредоносного заклятия в черной магии. Это говорит о нейтральности огня в вопросах добра и зла. И опять мы данное соотношение

можем проследить в образе бога Локи, в котором персонифицируется двойственная природа огня. Локи по своему личному выбору связан с богами, а по происхождению, с их противниками, ётунами. Снорри Стурлусон в «Младшей Эдде» приводит такие его эпитеты, как «кузнец бед», «коварный ас», «наветчик и обманщик богов» и «недруг богов» [8].

Не менее интересна световая символика огня. Огонь очищает все. Купаясь в его лучах, мы можем очистить и защитить не только наше тело и душу от холода, мрака и колдовства. Священный огонь может просветить наш разум и сжечь поглощающую его ложь, невежество и иллюзии. В более развитых религиозных системах огонь начинает олицетворять знание, в первую очередь тайное знание, сакральную истину. Прометей, похищая огонь и передавая его людям, тем самым предавал им сокровенные знания, до этого доступные лишь богам.

В Шатапатха-брахмане о священном огне (отождествленном, между прочим, с дыханием) сказано: «Поистине служение этому огню – правда. Тот, кто говорит правду, подобен тому, кто изливает топленое масло на зажженный жертвенный огонь. Так воспламеняет он этот огонь. Жар его все усиливается. С каждым днем он [говорящий правду] становится более сильным» (II, 2, 2).

Один из эпитетов бога Агни - Джатаведас – «знаток всех существ» (или «знающий о предшествующих рождениях»). В свою очередь, знание со своей стороны аллегорически обозначалось пламенем. Так Кришна говорит в Бхагавад-гите: «О Арджуна, подобно тому как пламя костра превращает дрова в пепел, огонь знания сжигает дотла все последствия материальной деятельности» (4 гл, 37). В буддизме свет, исходящий от огня, также олицетворяет мудрость.

В христианской традиции образ огня встречается в сюжете о Пятидесятнице, когда Святой Дух в виде языков пламени снисходит на апостолов. Здесь огонь символизирует боговдохновенность, получение истинного знания и избранность.

Как мы можем заметить, в мифолого-религиозном измерении символизм огня может означать не только божественные качества. Его световые и тепловые свойства религиозным сознанием могут использоваться для олицетворения качественных психических и ментальных компонентов человеческой природы. И здесь огонь также обретает амбивалентное значение, соединяя в себе конструктивные и деконструктивные обозначения. С одной стороны, пламя может выступать в качестве метафоры горения сильных, пламенных страстей и сексуального пыла, а с другой – горячей веры, жертвенной любви, вдохновения, порыва. Например, сердце, охваченное огнем, в иконографии является эмблемой пламенной веры праведных Антония Падуанского и Августина Блаженного. В качестве негативного знака огонь может означать войну и опасность, испытания и искушения.

В буддизме огненная символика также амбивалентна: пламя олицетворяет не только истину, но и нечто противоположное ей, кармические энергии: страсть, ненависть, различные антипатии. Буддисты призывают

человека задуть в себе данные три огня, чтобы исчезли иллюзии в восприятии им мира и чтобы он начал зреть истинную суть мироздания.

Повелителями огня в мифологии чаще всего выступают божества: небесные или подземные. Их можно разделить на несколько групп. Первая группа состоит из архаичных богов родоплеменного периода, которые были одновременно небожителями и покровителями домашнего очага. Таковыми являются: греческая Гестия, римские божества Веста, Пенаты и Лары; Ксиутеуктли (Уэуэтеотль) – бог ацтеков; монгольский Отхан-Галахан; бог славян Рарог и многие другие. Пламя их огня становится символом защиты, уюта, нераздельной общности рода и семьи.

Другая группа содержит богов, чьи функции выходят за пределы домашнего очага. Бог Агни является воплощением света и тепла, он не только спланирует семью вокруг домашнего очага, который разгоняет коварных демонов ночи, но и является посредником между людьми и богами, унося с собой в небо дары, молитвы и гимны. В образе огненного столпа, который увенчан шапкой из дыма, он также символизирует Мировую ось. Индуистский Кришна олицетворял жизненное пламя, основу мироздания; а огненный круг вокруг Шивы символизировал начало и завершение космогонического цикла. Вавилонский Мардук и римский Марс заключали в себе огонь войны, испепеляющий врагов.

Третья группа представлена богами подземного мира, как правило, это покровители кузнечного дела: Гефест и Вулкан, черкесский Тлепш, полинезийский Магуйка, поддерживающие огонь в своем подземном очаге. Кипучую деятельность этих подземных богов-трудяг люди усматривали в дыму и пламени извергающихся вулканов.

Однако, имея разную функциональность, данные виды огня (например, огонь очага и кузнечный горн) не являются оппозиционными по своему содержанию. Даже богиня Кали, чей демонизированный вид отпугивает благочестивых европейцев, не будет относиться к негативным божествам. Ее огненный вид символизирует не что иное, как победу над демонами и пороками, а ее нагота считается олицетворением обнаженной, открытой истины.

Настоящая амбивалентность обнаруживается в оппозиции огневой символики монотеистических религий. В иудаизме огонь становится метафорой для описания самого Бога Яхве — огня небесного, рождающего или карающего неверных. В Библии повествуется о двух сыновьях Аарона, Надаве и Авиху. Когда сыны Израиля завершили возведение переносного храма, мишкана, с Небес низошел огонь и поглотил находящиеся на жертвеннике дары. Это так вдохновило Надава и Авиху, что они нарушили все правила, войдя во внутреннее помещение мишкана, где воскурили благовония, «о чем им не было заповедано». И снова сошли с небес языки пламени, но на этот раз они забрали души Надава и Авиху, не тронув при этом их тела. Противоположной мифологемой в иудаизме предстает огонь преисподней, в которой пламя на каждом из уровней ада увеличивается в 61 раз сильнее обычного, земного огня. В самой торе и других канонических текстах иудаизма нет конкретного

повествования об аде, однако оно имело развитие в талмудических преданиях. В Пятикнижии бог предстал перед Моисеем в виде пламени среди тернового куста. Когда пророк подошёл к терновнику, чтобы понять, «отчего куст горит огнём, но не сгорает» (Исх. 3:2), Бог воззвал к нему из горящего куста, призвав вывести народ Израиля из Египта в Обетованную землю.

В исламе огонь связан в основном с грехом и силами зла. Согласно мусульманской мифологии, дьявол Иблис (в переводе с араб. – «отчаявшийся») создан Аллахом из огня, для последователей которого всемилостивый Аллах в аду «приготовил цепи, ошейники, геенское пламя», чтобы они «наслаждались мукой в пламени». Коран признает три воплощения разума: ангелы, созданные из света, джинны – из чистого огня и человек – из праха земли. Подобная отрицательная символизация связана с вековой идеологической и политической борьбой ислама с зороастризмом. Тем не менее, и в исламской традиции нашлось место исключениям. В суфийской поэзии огонь часто используется в качестве метафоры, означающей молитвенный экстаз и любовь к Богу.

Детализация адских мук в европейской и русской культуре также намекает на дьявольскую природу огня. Однако, если вспомнить огненные языки на Пятидесятницу и образ неопалимой купины из Библии, возникает некое противоречие огненной символики в христианстве.

Ад в мифологии Нового завета отождествляется с вечным огнем (Мф. 25,41). Но при этом состояние ада может передаваться также другими словами: «тьма внешняя» (Мф. 25, 30), «геенна огненная» (Мф. 5, 22). В обыденном религиозном представлении людей ад стал царством сатаны и его слуг-палачей, находящимся в недрах земли, т.е. местом, отличным от рая, уготованного святым. Подробное описание истязаний бесами душ за грехи в изобилии можно встретить в различных апокрифах: в «Апокалипсисе Петра», в «Апокалипсисе Павла», в византийском «Апокалипсисе Анастасии», в западноевропейском «Видении Тнугдала». Подобная трактовка адского огня встречается также во многих «духовных стихах» русского фольклора. Соответственно, на лицо противопоставление адского огня божественному.

Однако не все так однозначно в данной оппозиции. Концептуальные убеждения учителей церкви по этому вопросу координально иные. В новом завете говорится: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф. 25, 41). Это указывает на то, что в своем вероучительном истоке огонь ада не мог рассматриваться царством дьявола, ибо из новозаветного контекста видно, что он служит для наказания сатаны и его темных слуг. Преподобный Исаак Сирийский пишет о райском пребывании душ: «Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами» [1, с.397]. Но его рассуждения об аде почти что идентичны: ад — это бич божественной любви. Он пишет: «Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви. И как горько и жестоко это мучение любви!» [1, с.76] В связи с этим, современный греческий богослов Иероним Влахос предлагает смотреть на ад и рай не как на два разных места, а как на «два различных образа бытия», но это различие творит не Бог, а сам человек. Рай и ад есть сам Бог, являясь одним для святых и вторым для грешников [5].

В аду огонь божественный теряет способность просвещать, отсюда и выражение «тьма внешняя», а в раю опалить, но только давать свет. Образы неопалимой купины, огонь, не дающий света в аду (огонь мрака) – все это указывает на особенное качество огня. Христианская мифологическая и богословская система строит новую оппозицию – огня тварного и огня нетварного. Огонь нетварной природы способен вечно гореть без того, что являлось бы его "питанием".

Сопутствующей мифемой, соответственно, становится нетварный свет фаворский. В новозаветном учении физический огонь перестает быть магическим воплощением верховного божества, как это мы могли видеть в архаичных религиях, шаманизме и даже зороастризме. Здесь огонь получает исключительно метафорическое измерение. Это очевидно из цитатности мест всего новозаветного писания. Природный огонь становится олицетворением нетварного огня, благодати Бога или страданий грешников, суть которых сокрыта от людей в аллегориях и метафорах проповеди Христа. Однако данный мост от магического к метафорическому осмыслению обычного огня перебрасывает иудаизм, который известен своим демифологизированным подходом к природным стихиям. И этим мостом как раз таки становится образ горящего, но негораемого терновника. Однако означает ли это, что христианство полностью отринуло материальный огонь? Естественно, что нет. Как и не отринуло оно тварное вообще. Сам Христос становится символом единения данных противоположных начал, вбирая в свою природу как божественное (нетварное), так и человеческое (сотворенное), материальное. Благодатный огонь, сходящий на Пасху в Иерусалиме, становится промежуточным звеном в огненной символике христиан между тварным и нетварным огнями. Соответственно, в христианстве образуется целая огненная триада: огонь мирской – огонь сакральный (тварной природы) – огонь сакральный нетварный. Новозаветная мифология как бы замыкает собой развитие амбивалентных смыслов огня, дополняя ее новыми образами.

Итак, мы видим, что амбивалентность символики огня выстраивается прежде всего из его природных свойств. Ее можно классифицировать на основе бинарных оппозиций:

- огонь сакральный – огонь мирской;
- благой – злой;
- созидательный – разрушающий;
- очищающий – карающий;
- защищающий – вредоносный;
- небесный – адский;
- человеческий – божественный;
- деструктивный – конструктивный;
- тварный (но освященный) – нетварный.

Невозможно не заметить, что критериями амбивалентности выступают или функциональные особенности огня или объект, который он олицетворяет. Это формирует особую знаково-символическую структуру. Структура символа такова, что одна оппозиция элементов может включаться в часть другой

оппозиции, создавая вторичную моделирующую систему символов. Например, в оппозицию «огонь сакральный и огонь мирской» будут входить оппозиции «благой – злой», «созидающий – разрушающий»; соотношение «человеческий – божественный» будет включено в амбивалентность «тварный – нетварный огонь», при этом сам в себе будет содержать оппозицию мифем «деструктивный – конструктивный». В свою очередь, каждая мифема отдельно будет в себе раскрывать каждую оппозицию. Также формализм оппозиций будет раскрываться в том, что их элементами могут являться не только мифемы, но и сами оппозиции, целые мифологические конструкции и т.д. Это видно в соотношении оппозиций «огонь небесный – огонь адский» и «сакральный – мирской». Однако данная структура формируется на протяжении долгого периода, включая в себя процессы согласованности элементов структуры, принадлежащих порой разным культурам и эпохам, процессы распада (например, демонизирование огненной символика в исламе), инфантилизации (формирование бинарности адского и небесного пламени в апокрифах) и рационализации (вывод символика на метафизический уровень в катафатическом богословии и философии).

Список литературы:

1. Аввы Исаака Сирина слова подвижнические. М. 1993.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.2. М.: Индрик, 1994.
3. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993.
4. Желтикова И.В. Динамика типа фантазии в нереалистических повествованиях. Часть 1. (Миф) / Записки философского факультета Орловского государственного университета. №1 (01) 2014. Электронный ресурс: <http://filos.univ-orel.ru/issue/1/8>, дата обращения: 17.03.2016.
5. Иероним (Влахос), митр. Рай и Ад. Сардоникс, 2005. Электронный ресурс: <http://www.wco.ru/biblio/books/vlahos1/main.htm>, дата обращения: 17.03.2016.
6. Липс Ю. Происхождение вещей. Москва: Иностранная литература, 1954. Электронный ресурс: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000146/st002.shtml>, дата обращения: 12.03.2016.
7. Плано Карпини История Монголов, которых мы называем Татарами. Электронный ресурс: http://az.lib.ru/k/karpini_d_p/text_1250_historia_mongalorum.shtml, дата обращения: 15.03.2016.
8. Dagulf Loptson. A New Place for Loki. Электронный ресурс: <http://polytheist.com/orgrandr-lokean/2014/09/23/a-new-place-for-loki-part-ii/#sdfootnote3anc>, дата обращения: 17.03.2016.
9. Davidson, H.R. Ellis. The Road to Hel. - Greenwood press, publishers New York, 1968.

10. Staal, Frits. Agni: The Vedic Ritual of the Fire Altar, Volume One. Berkeley: Asian – Humanities Press. Reprint 2001.

References

1. Abba Isaac the Syrian ascetic words. M. 1993.
2. Afanasiev A.N. Poetic views on the nature of the Slavs. V.2. M.: Indrikis 1994.
3. Golan A. Myth and symbol. M.: Rousselot 1993.
4. Zheltikova Inga. The dynamics of fantasy in the unrealistic narratives (From folklore to literary fairy tale) Part 1. // Notes of the Faculty of Philosophy of the Orel State University/ №1 (01) 2014.
5. Jerome (Vlachos), Met. Heaven and Hell. Sardonyx 2005.
6. Lips Y. origin of things. Moscow: Foreign Literature, 1954.
7. Plano Carpini History of the Mongols, which we call Tatars
//http://az.lib.ru/k/karpini_d_p/text_1250_historia_mongalorum.shtml
8. Dagulf Loptson. A New Place for Loki. Электронный ресурс:
<http://polytheist.com/orgrandr-lokean/2014/09/23/a-new-place-for-loki-part-ii/#sdfootnote3anc>
9. Davidson, H.R. Ellis. The Road to Hel. - Greenwood press, publishers New York, 1968.
10. Staal, Frits. Agni: The Vedic Ritual of the Fire Altar, Volume One. Berkeley: Asian – Humanities Press. Reprint 2001.